

Владимирова Т. Л.

РИМСКИЙ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ КОД В ТВОРЧЕСТВЕ ЖЕРМЕНЫ ДЕ СТАЛЬ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/18.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 41-44. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

субъекта: воркотать - воркоте́нь (севернорус., среднерус.), вя́кала (среднерус.), заика́ться - немты́рь (севернорус.), картавить - ярыка́ла (среднерус., севернорус., восточносиб., урал.), латы́нец (среднерус.), косязычно говорить - лепету́н (восточносиб.), лалы́ка (южнорус.), говорить одно и то же - вя́кала (севернорус.), мало говорить - немты́рь (восточносиб., западносиб.), сквернословить - пази́ла (севернорус., южнорус., восточносиб., урал.), ерыка́ла (среднерус.), произносить часто - ажно́к (южнорус.).

Во всех исследуемых говорах синтаксические дериваты, образованные от глаголов речевой деятельности по пропозициям V-(S)-S-o; V-R-(S), V-(S)-(O) и др., дают характеристику действия по следующим параметрам:

честность

объя́в, обвеща́лка, отве́стье

интенсивно совершается

наря́да, погово́ра

постоянно осуществляется

погово́ра, разгово́рка, погово́рка

негативная характеристика действия

огу́да, осу́да, ля́зганье

нечестность

оху́ла, огу́да, облама́н

неинтенсивно совершается

осу́да, разгово́рка, ля́зганье

временно осуществляется

обзы́в, объя́в, наря́да, гу́тор

нейтральная характеристика действия

обзы́в, отве́стье, лоскоту́ха

Одно действие может характеризоваться по нескольким параметрам одновременно, например, объя́в (объявление, сообщение) - действие совершается честно, временно, содержит нейтральную характеристику.

Полисемия производного слова репрезентирует фреймовую организацию семантики, реализующую ту или иную концептосферу. Выбор деривационных маркирующих категорий носит системный характер и определяется уровнем развития частных словообразовательных систем разных говоров. Различия между словообразовательными системами говоров проявляются: а) в наборе словообразовательных типов, которые могут быть как общими для ряда говоров (СТ «Г+Ø», «Г+ун», «Г+л(а)», «Г+ник», «Г+к(а)»), так и специфичными (например, по СТ «Г+ец» анализируемые имена существительные образуются только в среднерусских говорах, а по СТ «Г+д(а)» - в севернорусских (оскомы́лда) и среднерусских говорах (плаку́да); б) в строевании семантических структур СТ. Каждый СТ имеет лексико-словообразовательные значения (ЛСЗ), которые могут быть как общими для нескольких говоров, так и единичными, присущими конкретной диалектной системе, что обеспечивает частичное совпадение семантических структур полисемантов разных диалектных систем.

Лексика говоров фиксирует наиболее важные компоненты картины мира. Система концептов, выявляемых в процессе исследования диалектной лексики, воссоздает некоторые особенности языкового мышления, ограниченного территориально и этнически. Изучение частных диалектных систем эксплицирует общее и специфическое в концептуализации действительности в языковых картинах мира диалектов и позволяет создать эталонную модель развития полисемии в русском языке. Таким образом, полисемия - это семасиононасиологическая категория, в которой отражаются как универсальные свойства языка, так и идиоэтнические и национально-языковые особенности.

Список использованной литературы

1. Гумбольдт. В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 2000.

РИМСКИЙ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ КОД В ТВОРЧЕСТВЕ ЖЕРМЕНЫ ДЕ СТАЛЬ

Владимирова Т. Л.

Томский политехнический университет

Для конца XVIII - начала XIX вв. характерен устойчивый интерес Европы к Италии, к ее культуре, искусству, традициям. Для нескольких поколений европейских писателей Италия являлась обетованной страной с великолепными пейзажами и многочисленными памятниками искусства. Образы Италии и Рима возникают в творчестве Байрона, Гёте, де Сталь, Стендаля и др. Именно в западноевропейской литературе в конце XVIII - начале XIX вв. начал складываться уникальный римский интерпретационный код, в основу которого легли новые идеи и темы, оригинальные мотивы и образы, впоследствии воспринятые и в России.

Термин «код» вводит Р. Барт, анализируя рассказ Бальзака «Сарразин» [Барт: 28-33], Н. Е. Меднис использует понятие «интерпретационный код», говоря о флорентийской теме в русской поэзии XIX-XX вв.: этот код «задает стратегию выстраивания и восприятия всего, что пребывает в пределах флорентийского поэтического поля» [Меднис: 131]. Разные грани римского интерпретационного кода, как нам представляется, наиболее полно и ярко представлены в творчестве посетивших Италию и Рим Гёте [Владимирова: 239-245], Байрона, де Сталь и Стендаля. Впечатления писателей и поэтов о Вечном городе не только отражают их индивидуальные особенности восприятия, но и дают общее представление о Риме, формирующее римский интерпретационный код в европейской литературе.

Большая заслуга в формировании римского интерпретационного кода принадлежит французской писательнице Жермене де Сталь (1766-1817). Практически все ее произведения имели злободневный политический подтекст - «Размышления о роли страстей в жизни личной и общественной», «О литературе», «О Гер-

мании», «Размышления о главнейших событиях французской революции», «Десять лет изгнания», романы «Дельфина» и «Коринна, или Италия». Многие мысли и замечания Сталь оказали влияние на формирование литературной теории русского романтизма. Отличительной чертой творчества де Сталь является интерес к национальной самобытности. Путешествуя по разным странам, добровольно или вынужденно, в первую очередь она пыталась постичь своеобразие национальной культуры. Национальная самобытность искусства является одной из важных черт эстетики романтизма, об этом пишет мадам де Сталь в своем труде «О Германии» (1810).

Осенью 1803 г. после выхода романа «Дельфина» Наполеон подписал приказ о том, чтобы мадам де Сталь покинула Париж. Преследования Наполеона сделали ее самой знаменитой женщиной в Европе. В 1812 г. Жермена де Сталь посетила Россию, Москву и Петербург, где была представлена русскому двору [Мильчина: 10].

В 1807 г. выходит роман Жермены де Сталь «Коринна, или Италия», который сразу же стал популярным, и не только во Франции. Этот роман оказал большое влияние на русскую литературу, в которой сформировался настоящий культ Италии. Отрывки из импровизации Коринны на итальянские темы печатались в русских журналах как отдельные произведения писательницы [Кулешов: 116]. В России полный перевод романа «Коринна, или Италия» вышел в 1809-1810 гг.

Жермена де Сталь путешествовала по Италии с декабря 1804 г. по июнь 1805 г., посетив Милан, Рим, Неаполь, Флоренцию и Венецию. Впечатления от этого путешествия легли в основу ставшего впоследствии знаменитым романа. Так же и сама неординарная личность французской писательницы была в центре внимания русской общественности, современники восторженно отзывались о ней. К.Н. Батюшков интересовался личностью и творчеством госпожи де Сталь, известно о его замысле перевести на русский язык одну из импровизаций Коринны. Есть сведения о том, что Батюшков лично встречался с писательницей, о чем написал своей сестре 9 августа 1812 г.: «Я видел недавно славную сочинительницу «Коринны» и «Дельфины», мадам Сталь, с которой провел целый вечер у графини Строгоновой <...> Дурна, как черт, и умна, как ангел» [Батюшков: 198].

В романе Жермены де Сталь «Коринна, или Италия» представлены следующие аспекты римского интерпретационного кода: метафизический (любовь, природа), этнографический (народ, карнавал), искусствоведческий (памятники архитектуры, имена великих итальянцев, тема взаимоотношения творческой личности и власти), историософский (тема Древнего Рима, его героическое прошлое и упадок, тема свободы).

В романе «Коринна» Рим становится местом действия, пространством, где разворачивается история любви главной героини романа Коринны, мастера импровизации, и лорда Освальда Нельвиля, пэра Шотландии, приехавшего в Вечный город. В романе четко прослеживается параллельное развитие двух основных тем - любви и Италии. Коринна - «самая знаменитая женщина Италии - поэтесса, писательница, импровизаторша и одна из первых в Риме красавиц» [Сталь: 22]. Являясь гидом для лорда Нельвиля, она рассказывает о традициях и истории Рима, показывает его достопримечательности.

Интенсивная жизнь чувств была выражением драматического порыва личности к свободе, подавленной обществом, поэтому тема любви занимает главное место в романе. С одной стороны, представлена любовная драма талантливой женщины, а с другой - Вечный город, без которого героиня также не может представить своей жизни. Рим дает возможность обрести душевный покой, его красота и величие помогают героине справиться с личной трагедией.

Историософский аспект римского интерпретационного кода представлен двумя разными эпохами: Рим древний (культ героического прошлого Древнего Рима) и Рим современный. По сравнению с общей гармонией «старого» и «нового» Рима у Гёте, эта традиционная оппозиция в романе Сталь получает новое семантическое наполнение. Для французской писательницы как носителя резко критикующего сознания с выраженным полемическим началом характерна политическая трактовка противопоставления «древнего» и «современного», которая будет продолжена в русской традиции. Героиня воспринимает окружающий мир через призму былого величия Рима. Для Коринны особую ценность представляет именно Древний Рим, в ее восприятии это «дни истинной преданности, самоотвержения и героизма» [Сталь: 72], которые остались в прошлом. Романтическая тоска по доблестным былым временам Вечного города становится в романе своеобразным рефреном.

В романе возникает два временных пласта: прошлое и настоящее тесно связаны между собой - «в Риме нельзя шагу ступить, чтобы не сблизить *минувшее с настоящим*, равно как и *различные прошедшие эпохи* [курсив наш - Т.В.] - между собой» [Сталь: 72]. Зримым свидетельством истории в Риме являются руины - «друзья, с которыми тяжело расставаться» [Сталь: 267], которые «вызывают воспоминания о давно минувших исторических событиях» [Сталь: 194]. С историческими воспоминаниями тесно связана тема свободы: Рим «завоевал себе вселенную» и «стал властелином, опираясь на свободу» [Сталь: 29]. Героическое прошлое, искусство дают надежду на возможное обновление страны, на ее будущее.

Роман представляет собой уникальный для того времени путеводитель по Италии: перед читателем открываются известные итальянские города - Рим, Неаполь, Феррара, Венеция, дается подробное описание их достопримечательностей. Основное внимание в произведении уделяется пространству Рима - его архитектуре, памятникам (искусствоведческий аспект), народу, культуре, традициям (этнографический аспект). В романе также появляются маркирующие город точки: Пантеон, Колизей, Форум, собор св. Петра, Капитолийский и другие холмы.

Собор святого Петра репрезентирует Рим, становится его символом: он «заключает в себе *целый мир*» [Сталь: 60], здесь присутствует смешение античных религий и христианства, многие архитекторы и художники принимали участие в его строительстве и внутреннем оформлении на протяжении ста пятидесяти лет. Этот храм - «*образ бесконечности*», поэтому «нет предела чувствам, которые он рождает, думам, которые он вызывает, веренице бесчисленных лет, о которой он напоминает, наводя размышления о будущем, или же о прошлом» [Сталь: 61]. Посещение собора св. Петра заставляет задуматься о противоречивости жизни, в которой соединяются «небесные мысли» и «земная суета», «вечная жизнь религии» и «легкомысленная атмосфера современности» [Сталь: 61]. С вершины собора открывается чудесная картина: «великое множество колоколен, куполов, обелисков, колонн», а также купол собора св. Петра, - все это «придает облику города необычайную красоту» [Сталь: 267]. Создается впечатление, что «все эти вышки, возносящиеся в небо, парят в воздухе и что над земным городом величаво простирается другой город - воздушный» [Сталь: 72].

Также неповторимый облик города создают многочисленные римские фонтаны. Город имеет не только визуальную выраженность, но и звуковую (аудиальную). Беспрерывное «журчание воды» двух фонтанов на площади Святого Петра «производит совершенно неожиданное впечатление». Фонтан является своеобразным воплощением «вечного движения и вечного покоя», «однообразное журчание воды вызывает <...> неясные, но глубокие ощущения» [Сталь: 58]. Самый известный фонтан Вечного города - фонтан Треви - «могучий водомет», который шумит в самом центре Рима и кажется «*душою* тихой маленькой площади». В Риме нельзя жить без «рокота этого грандиозного фонтана», когда он молчит, то кажется, что весь Рим «пришел в оцепенение» [Сталь: 74].

Маркирующие город точки - памятники римской архитектуры - демонстрируют соединение различных эпох, прошлого и настоящего. Форум «может служить разительным доказательством нравственного величия человека», «дышит воспоминаниями о лучших людях, живших когда-либо» [Сталь: 65]. Колизей - «самая прекрасная руина Рима» [Сталь: 67]. Пантеон - «единственный античный храм» в Риме, который сохранился, «единственный памятник», который дает представление «о красоте зодчества древних и об особенностях их религиозного культа» [Сталь: 53]. Отличительная особенность римских памятников архитектуры заключается в том, что они «не холодны и не безгласны», «их освятили незабываемые события» [Сталь: 56]. Неповторимый облик города определяет «поразительное смешение руин и величественных зданий» [Сталь: 65]. Для Коринны Рим является единственным городом, который заключает в себе «огромное разнообразие великолепных панорам», «цветущих полей и пустырей» [Сталь: 65]. Жермена де Сталь обозначает важную особенность Вечного города - «Рим обладает *особым, лишь ему свойственным обаянием*». Более того, Рим любят, «как *живое существо*» [Сталь: 267]. Через сто лет после выхода романа «Коринна, или Италия» Вернон Ли напишет, что Рим «почти живое существо», его очарование заключается в том, как оно действует: «оно достойно живого существа с непреодолимыми привычками и необъяснимыми основаниями, умертвляющего понемногу все, что ему попадается на дороге» [Ли: 157].

Аспекты римского интерпретационного кода существуют не сами по себе, не по отдельности, их взаимосвязь и взаимопроникновение обеспечивают рождение новых смыслов. Так, в римском интерпретационном коде оказываются тесно связаны между собой искусство и религия. Христианская церковь украшена «всеми шедеврами, хотя бы и вдохновленными другими религиями», произведения гениальных художников «всегда наполняют душу *благоговейным чувством*» [Сталь: 62].

Кроме памятников архитектуры, искусствоведческий аспект представлен именами великих итальянцев, которые являются репрезентантами римского интерпретационного кода: Гораций, Проперций, Тибулл, жившие в Риме на «холме поэтов» (так называли Эсквилинский холм), Петрарка, Данте, Тассо, Ариосто, Рафаэль, Микеланджело, Канова. С этими именами связана тема взаимоотношений творческой личности и власти, которая была актуальной и для самой Жермены де Сталь, вступившей в конфликт с Наполеоном.

Рим «стал убежищем изгнанников всего мира» [Сталь: 60]. По мнению мадам де Сталь, итальянское искусство является своеобразной сублимацией несвободы, прежде всего политической: римский народ «был велик даже в своем упадке; скорбя по свободе, он одарил мир чудесами искусства» [Сталь: 67]. Особое внимание уделяется музыке, которая наиболее полно отражает суть итальянского языка и народа. Итальянские голоса «обладают мягкостью и нежностью, подобными аромату цветов и ясному небу». Эти голоса «самой природой» предназначены «для итальянского климата: они будто отражаются друг в друге и говорят о том, что весь мир - творение единой мысли, которая открывается в мириадах различных форм» [Сталь: 159]. В этой идее четко прослеживается традиционная для романтиков трактовка музыкального искусства, которое «обращается к самым глубинным истокам бытия и может перевернуть весь наш внутренний мир» [Сталь: 159].

Этнографический аспект подчеркивает врожденное эстетическое чувство, которым наделен римский народ: «даже простолюдины разбираются в искусствах и со знанием дела толкуют о статуях» [Сталь: 22]. В то же время итальянцы характеризуются как противоречивый народ: в их характере наблюдается смешение «чистосердечия и нравственной испорченности, притворства и правдивости, добродушия и мстительности, силы и слабости» [Сталь: 93].

Как и Гёте, Жермена де Сталь описывает важное событие в римской жизни - карнавал: «самый *шумный праздник* в году», «лихорадка радости», «бурное оживление» [Сталь: 154], «пестрая неразбериха» [Сталь: 156], «веселая суматоха», которая напоминает «древние сатурналии» [Сталь: 155], это «поистине

народный праздник», в нем участвуют «все классы римского общества» [Сталь: 156]. Во время карнавала «стираются различия в рангах, образовании, образе жизни», «*весь город высыпает на улицу*», «*все смертные смешались вместе*»; «*вся нация закружилась*» [Сталь: 156], жители Рима «с пылом предаются веселью» (Сталь: 154). Атрибуты карнавала подчеркивают визуальную выраженность этого праздника: маскарадные костюмы, маски, которые представляют собой «слепки с лиц античных статуй» [Сталь: 155]; «крики, шутки, конфетти» [Сталь: 156], украшенные окна, горящие факелы.

В творчестве де Сталь появляются принципиально новые темы, связанные с осмыслением пространства Рима, - темы политической и творческой свободы, взаимоотношения творческой личности и власти. Не наблюдается присутствующая у Гёте гармония «старого» и «нового» Рима, наоборот, в романе французской писательницы появляется противопоставление идеалов Древнего Рима современному состоянию города. Кроме того, следует отметить, что героиня романа Коринна становится воплощением женской ипостаси Рима, которая в частности проявится в повести Гоголя «Рим».

Список использованной литературы

1. Барт Р. S/Z. М.: РИК «Культура» Изд-во «Ad Marginem», 1994. 303 с.
2. Батюшков К.Н. Сочинения: В 3-х т. Т. 3. Письма. СПб., 1886. 806 с.
3. Владимирова Т.Л. Формирование римского интерпретационного кода в творчестве И.-В. Гёте // Прикладная филология и инженерное образование: Сборник научных трудов и материалов V Международной научно-практической конференции / Под ред. В.В. Максимова. Томск: Изд-во ТПУ, 2007. Ч. 2. С. 239-245.
4. Кулешов В.И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX в. (первая половина). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 350 с.
5. Ли В. Италия. Избранные страницы. М., 1914. 361 с.
6. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Учебное пособие. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003. 170 с.
7. Мильчина В.А. Жермена де Сталь и ее «философическая география» // Сталь Ж. де Десять лет в изгнании. М.: ОГИ, 2003. С. 12-41.
8. Сталь Ж. Де Коринна, или Италия. М.: Наука, 1969. 436 с.

ДИПЛАСТИИ, НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ТРИПЛАСТИИ В ЛИРИКЕ А. А. БЛОКА

Воронин В. С.

Волжский гуманитарный институт, филиал Волгоградского государственного университета

Как известно, символизм ставил своей целью увидеть за простыми вещами обыденного мира знаки высшего мира, таинственный мир вечных сущностей. Это исходно данное удвоение мира, это преломление обычной жизни в ее верхнем, если можно так выразиться, регистре способствовало тому, что художественный мир ряда русских символистов стал игрищем системы неопределенностей, в котором нашли свое отражение как законы фантазии, так и многозначной логики. Лирический герой А.Блока, как и многих других символистов, оказался растянутым по вертикали дольного и горнего мира, говоря строчками стихотворения З. Гиппиус «Между»: «На лунном небе чернеют ветки, / Внизу чуть слышно шумит поток, / А я качаюсь в воздушной сетке, / Земле и небу равно далёк» [Гиппиус 1999: 152].

Вероятно, уже первобытный человек выделил первичные оппозиции: свое - чужое, дух и плоть, верх - низ, мужчина - женщина, земля - небо, близкое - далекое, жизнь - смерть, свет - тьма, и другие. Было замечено, что противоположностям свойственно маскироваться и вступать в союз, а также чередоваться, что отразилось в ряде поговорок типа: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Счастье и несчастье образуют здесь разведенную во времени, но соединенную причинно-следственными отношениями пару, или дипластию. Далее под дипластией мы будем понимать пару противоположностей, соединенную одними отношениями и разделенную другими.

Широкое применение оппозиций при исследовании художественного текста в литературоведении было начато в рамках московско-тартусской школы такими учеными, как Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, С.Ю. Неклюдов, В.М. Топоров. Вместе с тем метод оппозиций схематизирует и реальную сложность жизни, и отражающей ее литературы. Зачастую в текстах символистов самым интересным оказывается некоторое среднее звено между противоположными парами. Не свое или чужое, а некоторое общее и ничье, не дух или плоть, а душа, равно причастная к крайностям своих противоположностей, не верх или низ, а одновременная устремленность человеческой души в обе стороны сразу, взлет, который на самом деле является падением и обратно. В конкретике исследований многие ученые всегда сталкивались с этим «третьим лишним», мешающим чистоте выделяемых в тексте оппозиций.

Так, исследуя поэтику блоковской «Снежной маски», З.Г. Минц отмечает: «Вместе с тем оппозиция «открытых» ↔ «закрытых» пространств не совсем полно отражает устройство мира цикла. Дело в том, что между полностью «закрытым» (дом, комната) и полностью «открытыми» мирами находится еще один мир - городской, который по отношению к дому выявляет качества «открытости», а по сравнению с «царством метелей» оказывается «закрытым» [Минц 1999: 44].

Поэтому представляется необходимым говорить не о дипластии соединении и противоборстве двух полюсов, а о трипластии, показывающей возможные варианты развития этого среднего неопределенного зве-